ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ДВО РАН

INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE PEOPLES OF THE FAR EAST FEBRAS

ЦЕНТР ОСТРОВНОЙ И ПРИБРЕЖНОЙ АНТРОПОЛОГИИ АТР

DEPARTMENT OF ISLAND AND COASTAL ANTHROPOLOGY
OF ASIA-PACIFIC REGION

КОПМЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТРОВНЫХ ОБЩЕСТВ ТИХОГО ОКЕАНА

(сборник статей)

Integrated Studies of Island Communities of the Pacific

(collection of articles)

Владивосток
2018

УДК: 394+397+902/904+903.42+908 +911.3+911.5

Комплексные исследования островных обществ Тихого океана: сборник статей / отв. ред. Ю.В. Латушко, К.С. Ганзей. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2018. Вып. 2. Археология и этнология. – 93 с., 10 илл.

Сборник содержит статьи, посвященные изучению островных обществ Тихого океана. Затрагивает широкий спектр проблем современных исторических, археологических, этнологических исследований. В центре внимания - островные культуры и социумы, процесс их исторического формирования, анализ взаимодействия человека и природы, а также общих и специфических черт развития отдельных островных сообществ на протяжении истории. Основной упор делается на изучении мелко и среднемасштабных островов северной части Тихого океана. В целях компаративистики приводятся сравнения с аналогичными по масштабу островными обществами южной части Тихого океана. Все работы выполнены на основе полевых материалов авторов.

Для специалистов, аспирантов, студентов, а также более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и географии островных обществ Российского Дальнего Востока и Тихого океана.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ
проект №15-31-01290 «Культурная эволюция островных обществ Тихого океана»

Integrated Studies of Island Communities of the Pacific: a collection of articles / eds. by Yuriy Latushko, Kirill Ganzey. - Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2018. Issue. 2. Archaeology and Ethnology. - 93 p., X ill.

The collection contains articles on the study of Pacific island societies. It deals with a wide range of problems of contemporary historical, archaeological, ethnological researches. The focus is on island cultures and societies, the process of their historical formation, the analysis of human-nature interaction, and the general and specific features of the development of individual island communities throughout history. The focus is on the study of small and medium-sized islands of the North Pacific. For comparative studies, comparisons are made with similar island-scale societies in the South Pacific. All works are executed based on field materials of the authors.

For experts, students and post-graduate students, and for more a wide range of readers, who interested in questions of history and geography of Russian Far East island societies and other island societies of the Pacific.

Отв. ред.: канд. ист. наук Ю.В. Латушко, канд. геогр. наук К.С. Ганзей
Ответственный за выпуск: канд. ист. наук Ю.В. Латушко
Рецензенты: д-р ист. наук Ю.Е. Вострецов, канд. геогр. наук В.В. Жариков

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

ISBN 978-5-8044-1454-3

©ИИАЭ ДВО РАН, 2018

Песцовый промысел на Командорских и Алеутских островах

Н.А. Татаренкова,

начальник отдела сохранения историко-культурного наследия ФГБУ «Государственный природный биосферный заповедник «Командорский» им. С.В. Маракова». С. Никольское, Камчатский край. E-mail: Nata_Bering_island@mail.ru

Аннотация. До середины XVIII в. голубые песцы обитали только на безлюдных Командорских о-вах и о-вах Прибылова. Восточным алеутам были известны лисицы, но количество зверя, добываемого для нужд островных сообществ, было невелико. Информации о специализированных орудиях промысла не сохранилось. В 1740-1770-х гг. промыслом песцов занимались исключительно русские, они же переселили животных на Ближние и Андреяновские о-ва и обучили местное население новым приемам охоты. Почти все бытовавшие на территории Российско-Американской компании орудия промысла имеют сибирское происхождение. Это разнообразные самоловы: кулёмы, очепы, кляпцы, черканы. Одной из модификаций очепа был алеутский самолов камчадах. На Лисьих о-вах кляпцы и черканы использовались до 1910 г., на Командорах черканы не ставили, а кулёмы и очепы были запрещены в конце XIX в. С 1870-х гг. на смену деревянным самоловам стали приходить железные капканы. Дальнейшие перемены связаны с внедрением нового типа хозяйствования. Новый подход предусматривал круглогодичный комплекс мер, направленных на рациональное использование биоресурсов. Соответствие системы естественным биологическим ритмам и цикличности природных процессов сделала ее притягательной для местного населения. В наши дни одна из командорских общин предпочитает добывать песца именно по этой схеме. Таким образом, «традиционной» правильнее назвать не саму охоту на песца, а комплексный подход к эксплуатации биоресурсов островной системы.

Ключевые слова: традиционный промысел, Командорские острова, голубой песец, лисица, алеуты, сибирские самоловы, островное звероводство.

The Polar Fox Hunting Trade on the Commander and the Aleutian Islands

Tatarenkova N.

The head of department of Historical and Cultural Heritage Preservation. State Natural Biosphere Reserve «Komandorsky» named after S.V. Marakov. Nikolskoye, the Kamchatka Territory. E-mail: Nata_Bering_island@mail.ru

Abstract. Until the middle of the XVIII century aboriginal blue foxes lived only on uninhabited Commander and Pribilof Islands. The Eastern Aleuts hunted on red foxes, but the number of animals, killed for the needs of islands communities, was not high. There is no information about special Aleut traps for a foxes. In the 1740-1770s only «Russians» hunted on blue foxes. They introduced this animals to the Near and Andreanof Islands of the Aleutian Ridge. They also trained the local people to use new methods of hunting. The most instruments for catching a foxes that used on the territory of the Russian-American Company had the Siberian origin. These were various self-catch traps: kul'oma, ochep, klyaptsy, cherkan. The Aleut modifications of self-catch noose-trap (ochep) was called kamchadax. On the Fox Islands klyaptsy and cherkans for fox hunting were used until 1910. On the Commander Islands cherkans never used; the kul'omas and ocheps were banned at the end of the 19th century. The steel traps began to replace wooden klyaptsy since the 1870's. New management included year-round set of activities designed to rational use of bioresources. This «system of island animal breeding» coincided with natural biological rhythms and cyclic nature processes, so it became attractive for the local residents. One Aleut clan of the Commander Islands uses the experience of their grandfathers just today. Thus, it is more correct to call «traditional» not the hunting on fox itself, but the integrated approach to the exploitation of islands bioresources.

Keywords: Traditional hunting, Commander Islands, polar fox (blue fox), red fox, Aleuts, siberian self-catch traps for foxes, system of «island animal breeding», Island fur farming.

До середины XVIII в. голубые песцы (популяции, в которых темный зимний окрас однозначно доминировал) обитали только на Командорских о-вах и о-вах Прибылова. В восточной части Алеутской гряды встречались другие представители рода Vulpes – лисицы. Лисицы явля-

лись у алеутов традиционным объектом охоты, в то время как песцы жили на безлюдных архипелагах, заселение которых началось после формирования Российско-Американской компании (РАК).

Традиционно количество добываемых лисиц было относительно невелико. Интерес к пушнине резко возрос после первых контактов с европейцами и развитием активного товарообмена. Поскольку мех голубого песца ценился выше лисьего и по своему достоинству уступал лишь каланьему, русские промысловики начали расселять животных по Алеутским о-вам. Первая пара была вывезена в 1750 г. на о. Атту. В конце 1780-х – начале 1790-х гг. беринговских песцов завезли на о. Атку [16, с. 155-156, 180]. РАК содействовала дальнейшему расселению, и в 1840-х гг. песцов можно было встретить на Кыске и Амле [20, p. 5-6; 15, с. 299-301; 16, с. 164]. К 1930-м гг. они занимали: Атту, Агатту, Семичи, Кыску, Сегуам, Малый Ситхин, Крысий, Семисопочный, Амчитку, Горелый, Аматыгнак, Иллах, Канагу, Бобровый, Адак, Умак, Касаточий, Амукту, Герберта (Чагулак), Карлисл (Кигалга), Кагамил, Улягу [22, p. 298-300]. Восточнее Четырехсопочных о-вов интродуцированный вид отмечен не был, хотя попытки предпринимались неоднократно.

Одновременно с расселением животных и формированием устойчивых торговых отношений стали привноситься новые приемы охоты, широкораспространенные на территории Сибири и Дальнего Востока, но отсутствовавшие на Алеутских о-вах. Указаний на то, что алеуты платили ясак песцовыми шкурами, не сохранилось.

Краткая история песцового промысла. В XVIII в. песцов промышляли главным образом на Командорских о-вах, популяция о-вов Прибылова была открыта в 1786 г. До этого времени добычей зверя занимались «русские» и набранные в промысловые артели жители Камчатки. В конце века место спонтанно формировавшихся компаний на паях заняла Российско-Американская компания, и характер природопользования изменился. В начале 1820-х гг. на о-вах Прибылова появились оседлые поселения, они состояли преимущественно из переселенцев с о. Уналашки (до 1820 г. здесь промышляли алеуты с о. Атки) [23, p. XV-XVI]. Тогда же на Командоры была завезена крупная группа с о. Атту. С этого момента охотников, основную часть которых составляли алеуты, стали распределять «одиночкам» – жилищам промысловых участков (ухожей), опоясывающих береговые линии островов.

После продажи основной части владений РАК Соединенным Штатам на о-вах Прибылова, ставших американскими, пушные промыс-

лы арендовала с 1869 г. «Alaska Commercial Company». В 1871 г. ее сменила торговая фирма «Hutchinson, Kohl & Co», заключившая договор также и с Россией. В 1891 г. новым арендатором российских островов стало «Русское товарищество котиковых промыслов»; с 1901 по 1911 г. командорские промыслы находились в ведении Камчатского Торгово-Промышленного Общества, а с 1912 по 1916 г. – Владивостокского Торгового Дома «Чурин и К°». Как и во времена РАК, администрация устанавливала лимит, осуществляла контроль за добычей и определяла годы запусков. Обычно песцовый помысел производился через 1-2, реже 3 года и составлял не менее 800 голов [14, с. 37; 10, с. 44, 117-119; 8, с. 168, 174].

Во время охоты руководствовались «Правилами», разработанными в конце 1870-х гг. и утвержденными в 1883 г. В них были оговорены сроки, границы промысловых ухожей и орудия лова. Песцовый промысел начинался 10 (22) ноября – на о. Беринга, 20 ноября (2 декабря) – на о. Медном, и заканчиваться 1 (13) января на обоих островах. К дозволенным орудиям относились разнообразные капканы, кулёмки, очепы и огнестрельное оружие. В 1912 г. Е.К. Суворов добавил к перечисленному крючки для вытаскивания из нор и «алеутские петли» камчадах, с оговоркой, что первые были запрещены в 1894 г., а вторые немного позже [13, с. 219]. В действительности доставать песцов крючками было запрещено как минимум с 1882 г. [10, с. 119]. От кулёмок отказались в 1895 г. Таким образом, в начале XX в. легальный промысел песцов велся только капканами и путем отстрела из винчестеров и дробовиков.

Поскольку к 1910 г. объем котикового промысла резко сократился, произошло падение численности песца, питавшегося мясом морского зверя. Чтобы сгладить негативный процесс, с 1917 г. начали организовать специальную под¬кормку. В 1919 г. было принято решение проводить реформы, базирующиеся на опыте селективного отбора при помощи живоловов, применявшихся на о-вах Прибылова с 1890-х гг. [18, с. 65, 69-71, 76-77]. Новые инструкции были доставлены на о. Беринга только в 1923 г. [2, с. 425, 427, 446]. План предусматривал ограничение охоты на каланов, рационализацию котикового промысла и обустройство кормушек-ловушек для подкормки и селективного забоя песцов.

Первые кормушки-ловушки были введены в эксплуатацию во второй половине 1923 г. Так начала формироваться система островного звероводства, функционировавшая до начала 1960-х гг. на о. Беринга и 1965 г. – на о. Медном. Она включала круглогодичное наблюдение за

состоянием популяции, подкормку, лечение и отбор на племя лучших производителей. Животные не изымались из естественной среды обитания. Одновременно с этим в районе Северного селища был организован «Опытный питомник им. А.И. Черского», где проводили опыты по скрещиванию разномастных пар, изучали протекание беременности, особенности развития щенков и патологические случаи [11, с. 64]. Полученные данные ложились в основу рекомендаций, отражавших все аспекты промысла.

Следующим этапом стало клеточное разведение песца. В 1950 г. в окрестностях с. Никольского началось строительство звероферм Командорского зверосовхоза. В 1952 г. были завезены первые селекционные особи. Клеточное звероводство оказалось менее трудозатратным и давало шкуры более высокого качества. Но поскольку спрос на длинноволосые меха во всем мире начал падать, в 1962 г. на Командорскую звероферму была завезена американская норка, и в 1969 г. на острове был забит последний клеточный песец. Был организован производственный участок госпромхоза, и в обиход вновь вошли капканы. К середине 1990-х гг. и этот вид промысла начал угасать.

После организации в 1993 г. заповедника «Командорский» основная часть промысловых угодий оказалась на охраняемой территории. В настоящее время лицензированная охота производится только в северной части о. Беринга, объем промысла незначителен. Охота осуществляется в основном при помощи капканов. В 2009 г. родовая община «’Анг’ис» («Прибой») по главе с А.Ю. Кузнецовым построила сетный дворик в районе озера Саранного и использует его по сей день. Этот способ приближен к островному звероводству, хотя и не содержит полного комплекса зоотехнических мероприятий. Современная добыча песца ориентирована главным образом на насыщение условного внутреннего рынка и не сулит значительной прибыли.

Орудия лова и способы добычи XVIII – начала XX вв. Почти все описанные ниже орудия имеют сибирское происхождение и вошли в обиход не ранее середины XVIII в. Появление и активное использование самоловов связано с формированием новых социальных и товарно-меновых отношений. Поскольку с приходом русских пушнина стала основной «валютой», возникла потребность в переходе на более интенсивные формы ведения промысла. Заимствованные приемы быстро укоренились как более эффективные.

Существовали ли на Алеутских о-вах специализированные орудия охоты на лисиц до прихода русских, остается вопросом. Зная особенности поведения этих животных, тонко подмеченных в сказке «Одноглазый человек и превращение женщины в лисицу» (в оригинале «The Fox Woman», собрана Иохельсоном в 1910 г. на о. Умнак [24, p. 391-393]), можно предположить, что нет. В любом случае, они не дошли до наших дней.

Принципы устройств всех самоловов были привнесены русскими промысловиками, а материал и технологии изготовления варьировали в зависимости от местности. Наиболее показательны в этом плане петлики-камчадах, бытовавшие на территории Атхинского отдела. Камчадах являлись модификацией сибирского очепа, адаптированной к островным условиям и использовавшейся для охоты на песцов. Со временем ловушка стала восприниматься алеутами как нечто исконное в противовес самолову «азиатских аборигенов» uuchihmax' (производное от слова «очеп»). Память о камчадах сохранялась на о. Атке как минимум до середины XX в.

Не менее ощутимое изменение претерпели черканы, упрощенная модель которых использовалась восточными алеутами для охоты на лис. Этот самолов вошел в обиход позднее всего, вероятно, во второй половине XIX в. Примечательно, что это слово встречается в группе финоугорских языков, у манси, якутов, эвенов и ороков [2, с. 657]. На алеутском оно звучит chalkaanax'.

Самым примитивным орудием являлись «усы». Только в этом случае речь идет не о заимствовании, а об удачном подборе доступного подручного материала. Предмет настолько прост, что ни в одном из языков не имеет специального обозначения.

Раньше других на Командорских о-вах стали применяться ловушки давящего типа – пасти. В зиму 1743-1744 гг. их сооружала из подручного материала команда шитика «Св. Петр». В день случалось добыть до 100 песцов и более [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 6]. Одной из разновидностей пасти является кулёма, или кулёмка (kulumkix' [21, p. 248]), отличающаяся меньшей длиной коридора. Эти ловушки были популярны на всей территории РАК. По определению Вениаминова, на Алеутских о-вах песцовой кулёмкой называли ловушку, «похожую на маленькой шалаш, с трех сторон загороженный кольями». Вместо крыши сверху устанавливалось бревно или тяжелая доска, удерживаемая небольшими палочками-насторожками. Внутрь шалаша клали наживку, к примеру, сивучье или

котиковое мясо. Как только песец просовывал голову внутрь и начинал подтягивать к себе кусок, бревно падало и придавливало зверя [7, с. 335]. Разновидность кулём, бытовавших на Командорах, правильнее называть пастью. Гребницкий сообщал, что подробное описание орудия лова приведено у Кривошапкина [10, с. 119; 12, с. 65-66]. Если так, то речь идет о классической стационарной тундровой пасти на песца [6, с. 206-210]. Опадный самолов делали следующим образом: в землю в два ряда вбивали колышки высотой в аршин (71 см) и толщиной «пальца в три». Эти колышки образовывали коридорчик длиной около 70 см и шириной около 35 см, при этом стенки слегка расходились в стороны, так что вверху расстояние было немного больше, чем у основания. Гнет представлял собой бревно или тяжелую доску чуть уже коридорчика, длиной около 2-2,5 (3-4) м. Задний конец гнета опирался на вбитый в землю колышек с развилкой или другой примитивный упор, а передний удерживался в поднятом состоянии при помощи системы рычагов. Высота колышка с вилкой подбиралась таким образом, чтобы упавший гнет плотно прижимался к земле внутри пасти. Для этого при установке ловушки всегда учитывался рельеф местности.

В передний конец гнета перпендикулярно основной оси в косой паз врубали ромжу-слегу, иначе называемую коромыслом. Ромжу делали 3-4 см толщины и около 2 (3) м длины; она имела два плеча: короткое (10-15 см), идущее к мотырю, и длинное, опирающееся на второй колышек с развилкой. Возле головной части ловушки, со стороны, противоположной длинному плечу ромжи, вбивали опорный кол, на котором был утвержден мотырь. Мотырь располагался параллельно стенкам коридорчика и доходил приблизительно до середины пасти. Он выполнял роль неравноплечного рычага: своим коротким плечом мотырь удерживал ромжу с гнетом, а к опущенному длинному крепилась веревка около 35 см длины с привязанным на втором конце сторожком. Тут же, приблизительно напротив центральной части пасти, устанавливали «вилашку» – колышек с сучком, обращенным вниз и к пасти. На колышке прямо над сучком делали неглубокую перпендикулярную зарубку и свободно вкладывали в нее конец сторожка. В таком положении его удерживала насторожка, захватывающая сторожок вместе с сучком. К другому концу насторожки привязывали веревку и протягивали наискось ее внутрь пасти. На конце веревки закрепляли наживку. Когда зверь брал наживку, насторожка соскакивала, и механизм приводился в действие.

Система командорской насторожки могла отличаться от описанной у Кривошапкина, но принцип оставался тем же. Гипотетически из кольев могли выстраивать трехстенок, но большого смысла в этом не было.

Изготовить кулёму из выкидного плавника не составляло труда. Поэтому они были очень популярны на Командорских и Ближних о-вах вплоть до середины XIX в. [16, с. 180, 182]. Промысел кулёмками имел два существенных недостатка: во-первых, повреждалась шкурка, во-вторых, во время сильных пург алеуты не имели возможности осматривать ловушки ежедневно, и в их отсутствие тушку расклевывали птицы или разрывали другие песцы. Добытые таким способом шкуры по большей части оценивались как второсортные. С 1895 г. кулёмы были официально запрещены.

Не менее популярными были капканы и их деревянная разновидность – кляпцы. Кляпцы, или клепцы (klimchix' – Атка, klisax' – вост. ал. [21, p. 243]), представляли собой простейший пружинный механизм, состоящий из колодки и снабженного зубьями мотыря. Колодка алеутского кляпца (МАЭ 313-57) выглядит как полый валик длиной около 35 см, имеющий в центральной части широкий паз, углубленный на 2/3 диаметра. В паз прочно вставлялась неподвижная деревянная основа 140 см в длину, с прямоугольной прорезью в зоне попадания зубцов мотыря. Колодка сделана семигранной и имеет плоское основание, что придает ей дополнительную устойчивость. Подвижной частью устройства являлся мотырь: крепкая деревянная палка 60 см в длину с закрепленными в верхней трети тремя проникающими металлическими зубцами (на модели утрачены). Длина зубцов колебалась от 8 до 9 см. В нижней части мотыря имелась гладкая головка, обособленная от основной части неглубокой канавкой. Эта часть вставлялась в центральный паз колодки и фиксировалась гужами – толстыми витыми веревки из китовых жил, выполнявшими роль пружины. Гуж пропускали через отверстие в валике, перекручивали вдоль канавки мотыря и фиксировали с противоположной стороны колодки деревянным клином. Аналогичным образом гуж возвращался обратно. Два внешних клина по бокам колодки фиксировали и закручивали самодельную пружину, нагнетая необходимый уровень напряжения.

Перед употреблением кляпцы натирали корнем борщевика (Heracleum lanatum) и/или выдерживали их в течение недели под слоем грунта, чтобы отбить человеческий запах. Затем устанавливали на песцо-

вых тропах, надежно закрепляли кольями на растяжках и тщательно маскировали травой. Мотырь пригибали к противоположной части основы и настораживали двумя небольшими скобовидными палочками. К одной из палочек привязывали тонкий шнур и растягивали поперек тропы ко вбитому в землю колышку. Стоило задеть растяжку, и пружина срабатывала с такой силой, что зубцы легко могли прошить человеческую ногу [7, с. 331].

Кляпцы бытовали на Алеутских о-вах приблизительно до 1910 г., но уже с 1870-х гг. им на смену стали приходить железные капканы (kamkaanax' [21, p. 228]). В начале XX в. использовали небольшие американские капканы системы Newhouse и Victor № 2 [13, с. 220]. Несколько таких предметов хранятся в Алеутском краеведческом музее (маркировка не сохранилась). Вероятно, неполная модель «Оцеп после поимки песца» (МАЭ 313-55) также иллюстрирует этот способ отлова. Модель представляет собой прямоугольную платформу из красного дерева со «вбитым» в центральной части и слегка смещенным в сторону одной из коротких сторон деревянным колышком. Колышек выполнен из белой древесины, в сечении почти-квадратный. Остальные детали модели утрачены. Слово «оцеп» звучит не на алеутский манер, поскольку в этом языке нет звуков «ц» и «о», оно созвучно слову «цепь». Скорее всего, к колышку крепилась цепь капкана.

При установке капканов каждый охотник применял собственные хитрости. К примеру, в 1980-х гг. на о. Беринга любили использовать выброшенные морем 50-литровые деревянные бочки: капкан ставили на входе, а приваду клали внутрь. Этот способ был хорош тем, что лежащая на боку бочка с прибитым к ней капканом составляли единое целостное приспособление, его можно было перемещать и разворачивать в зависимости от доминирующего направления ветра. Но со временем количество выбросного материала уменьшилось, и этот способ себя изжил. Сегодня П.М. Яськин предпочитает крепить капканы ко вмерзшим на лайде (супралиторали) корягам, а приваду прибивать чуть выше. Со второй половины XX в. песцов отлавливают исключительно «двойками» – привозными капканами «Тайга» № 2 [ПМА: С.Е. Рогожников, 6.04.2011; П.М. Яськин, 22.03.2011].

Приблизительно до 1910 г. алеуты Лисьих о-вов использовали chalkaanax' – черкан (самолов, использующий силу упругости лука) [25, p. 151-153; 21, p. 129]. Принцип изготовления и название орудия пришли из Сибири (в XIX в. черканы были распространены повсеместно от Ар-

хангельской губернии до Колымы и нижнего течения Амура). В то же время самолов, описанный в 1970-х гг. алеутами Б. Черепановым и С. Суворовом, отличался от материковых аналогов. Как и все прочие, алеутский черкан состоял из деревянной рамы и зафиксированного в пазах подвижного «молоточка» (давка). К раме жестко крепился лук, но размещен он был не в срединной части, а в самой верхней точке. Высота рамы составляла 90 см при ширине чуть более 30 см, длина лука – 122 см. Черкан напоминал порожковый, но помимо нижнего «порога» конструкция имела горизонтальную срединную перегородку с отверстием по центру. Это отверстие служило дополнительной направляющей для черенка давка (называемого алеутами «стрелой»). Высота «стрелы» могла варьировать: чем она была длиннее, тем больше давящая сила. Лук изготавливали из хвойного дерева, называемого chaxam qan'ga (возможно, подразумевался не биологический вид, а наиболее прочная часть растения), тетива применялась жильная. Приведение в боевую готовность осуществлялось при помощи веревочной симки и двух колышков: сторожка и насторожки (без участия «язычка» – в этом заключалось третье принципиальное отличие). Один конец симки крепится к луку, второй – к сторожку. Насторожка свободно заводилась в пазы рамки и удерживалась только сторожком. Подпружиненный тетивой «молоточек» поднимали вверх и в образовавшемся внизу проеме аккуратно устанавливали колышки сторожка и насторожки. Когда лиса покидала логово, она задевала насторожку, и механизм срабатывал, зажимая ее в рамке.

Использование на Алеутских о-вах черканов вызывает много вопросов. Обычно этот самолов ставили на горностаев, колонков, белок, соболей, норок. Лисиц им добывали крайне редко. В отчетах РАК и более ранних источниках упоминаний о таком способе охоты не найдено. Создается впечатление, что chalkaanax' пришли не в XVIII в. из Сибири, а во второй половине XIX в. и уже с Аляски, куда были завезены ранее и где водилось больше «подходящих» зверей. Фрагменты черкана хранятся в алеутской коллекции собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова (ХКМ КП 1138). «Ловушка давящего типа» сохранила только выполненные из «красного дерева» лук 83,5 см длины и «молоточек» 30,3 см длины. К сожалению, точная информация о месте и времени сбора отсутствуют, предмет датируется концом XIX – началом XX в.

Для извлечения песцов из нор алеуты нередко пользовались усами. Для этого брали длинный прут из китового уса или выбросного дерева и на внешнем конце наносили зазубрины, либо просто расщепляли. Затем

просовывали конец в песцовую нору и, нащупав зверя, начинали коловращательные движения. Острый расщепленный конец сперва захватывал шерсть, а потом впивался в кожу. Как только он прочно закреплялся в теле, охотник вытаскивал добычу [7, с. 276, 335]. При всей доступности и простоте способ имел один существенный недостаток – он вел к истреблению самок, и потому в начале 1880-х гг. был запрещен.

Очепы вошли в обиход не раньше середины XIX в. – ни у Вениаминова, ни у Хлебникова они не отмечены. Обычно очепами называют самоловы, вздергивающие дичь вверх при использовании силы неравноплечного рычага («коромысла»). Также очепами можно считать любые силья (перевесы) с грузом. Кривошапкин упоминал, что при охоте на песца изредка использовались «силушки» [12, с. 65].

Одной из бытовавших на Командорах разновидностью очепа была петля камчадах [13, с. 219]. Единственное дошедшее до наших дней описание приведено Кнутом Бергсландом для о. Атки (1952 г.): kamchadax' – ловушка на лис/песцов, состоящая из силка, прикрепленного к палке (kadxii), который захватывает лису, с гнетом и деревянным кольцом, находящимся в полукружии, чтобы заманить лису в силок. Деревянное кольцо называлось kamchadaalux'. Во время тех же полевых исследований Бергсланд собрал и другое слово – uuchihmax', производное от русского «очеп». Информанты сообщили, что uuchihmax' пришло вместе с алеутами, побывавшими в России, и, вероятно, заимствовано от «азиатских аборигенов», описание самолова отсутствует [21, p. 226, 413]. По всей видимости, неполная модель петли камчадах, вывезенная с Командорских о-вов Н.А. Гребницким (1891 г.), хранится в собрании МАЭ РАН под номером 313-56. Очеп был устроен довольно просто: как и в случае с кулёмами, на продуваемых свободных от снега возвышенностях в землю вбивали колышки высотой 60-75 см. Но только они образовывали не коридорчик, а полукружие. На входе в ловушку устанавливали два выдающихся колышка высотой около 80 см (на модели 313-56 они утрачены, но видны отверстия от них). Эти были фиксаторы, предохранявшие коромысло от раскачивания ветром. Напротив входа устанавливали треногу высотой около 1,7 м. На ней закрепляли коромысло, чтобы оно не сползало, делали зарубку. Короткое плечо коромысла шло к ловушке, длинное служило гнетом.

На коротком конце коромысла закрепляли заканчивающийся деревянным сторожком линь и самозатягивающуюся петлю. Последнюю расправляли между кольями коридора. Деревянная насторожка была

прочно врезана в один из задних колышков и шла на небольшой высоте параллельно полу (на модели 313-56 сохранился ее фрагмент). Судя по всему, указанное Бергсландом «деревянное кольцо» и есть сторожок, накидывавшийся на конец насторожки. Там же размещали приманку. Схватив мясо, песец сбрасывал кольцо и тем самым рассторaживал очеп. Подобную ловушку на песца описал в 1953 г. Каменский [17, с. 149-150], с той разницей, что у Каменского тренога с коромыслом располагалась со стороны, противоположной от входа, а в случае модели МАЭ 313-56 следы от «ворот» остались напротив входа. Второе отличие заключается в форме ловушки и наличии в командорском варианте задней стенки.

Еще одна модель командорской «силушки» того же года поступления значится под номером МАЭ 313-52. В этом самолове использовалась сила падения обычного обтесанного валуна. По всей видимости, на достаточно крутом склоне устанавливали примитивный силок, состоявший из мощного деревянного кола с отверстием в центральной части и крепящегося к нему посредством линя валуна. Кол изготавливали из бревна или мощного бруса, слегка стесывая верхний конец так, чтобы получился короткий усеченный конус. На получившуюся небольшую площадку устанавливали гнет и клали приманку. Кол вбивали в землю таким образом, чтобы его высота позволяла зверю дотянуться до камня с наживкой только с той стороны, которая обращена к вершине склона. Чуть выше кола на земле расправляли петлю, пропускали линь через центральное отверстие кола и закрепляли на противоположном конце валун весом 7-8 кг. Валун крепили так же, как краевые сторожа на концах бобровых сетей: для надежности по периметру камня выдалбливалась неглубокая канавка, хорошо заметная на сохранившейся модели. Песец подходил и, пытаясь дотянуться до наживки, упирался лапами в неустойчивый гнет, валун соскакивал, и петля перетягивала зверя поперек тела. При этом кол не позволял тушке сползти вниз. Описания принципа работы этой ловушки не сохранилось, но такой механизм вполне вероятен.

Петли появились позже, но использовались дольше, чем остальные самодельные самоловы. С 1910 г. дозволенными орудиями стали исключительно ружья и привозные капканы.

Способы отлова в период островного звероводства (1920-е – 1960-е гг.). С 1923 г. на Командорских о-вах начала внедряться более эффективная система островного звероводства, предусматривавшая полувольное содержание песцов, регулярную подкормку и ведение про-

стейших селекционных работ. Для отлова животных стали использовать: кормушки-ловушки, «самоловы» и ящики-ловушки [4, с. 34, 44-45; 5, с. 50-54; 11, с. 138-141].

Кормушка-ловушка являлась основным заимствованием у американцев (о-ва Прибылова), она состояла из небольшого дощатого домика и прилегающего сетного дворика. Домик размером приблизительно 4х5х2 м был разделен двумя перегородками на три отдельные комнаты: наблюдательскую, коллектор и операционную. Наблюдательская имела выход в сетный дворик и застекленное смотровое окошко, служившее для наблюдения за песцами, отсюда приводился в действие спусковой механизм дверки кормового дворика. Коллектор, или «темная» комната (2-3 м2), служил для передержки песцов, если их количество было избыточным. Он соединялся с операционной посредством окошка, через которое передавали животных. Позже от коллектора отказались, и песцов стали отпускать по всей кормушке. Построенные в 1937-1938 гг. кормушки коллекторов уже не имели. Операционная – самая большая рабочая комната (10-12 м2). В ней проводили бонитировку, взвешивание, лечение или забой зверя. Помимо этого, в домике имелся чердак, где хранили запас корма.

Второе помещение кормушки-ловушки – сетный дворик. Как правило, сетчатая загородка имела ту же ширину, что и операционная, и огораживала участок перед домом. Наверху к сетчатой стенке крепили сетчатый же или деревянный навес в виде козырька, предотвращавший побег животных, это было особенно актуально в снежные зимы. В переднюю стенку сетного дворика были встроены поднимавшиеся на шарнирах ворота, иногда – в виде небольшого (1х1 м) квадрата. От ворот через систему блоков тянулся линь в наблюдательскую комнату.

С 1936 г. в дополнение к воротам начали устанавливать автоматические трубы: 2-3 деревянные трубы (25х30 см в сечении и 60-70 см длины). Их размещали рядом с воротами и на боковых стенках на высоте приблизительно 70-80 см (в зависимости от усредненной высоты снежного покрова). В центральной части трубы у верхней стенки («потолка») на шарнирах крепилась деревянная дверка, открывавшаяся в обе стороны и выполнявшая функцию заслона. Во время промысла с наружной стороны устанавливался фиксатор: порожек или гвоздь: песец мог зайти внутрь дворика, но обратный ход оказывался закрытым.

В том же году началось строительство упрощенных подсобных кормушек, имевших вместо домика однокомнатный сарайчик и неболь-

шой сетный дворик с одними лишь трубами. На о. Беринга такие кормушки стояли в бухтах Тундряной, Водяной, Кислой и др.

Самоловы представляли собой ямы, реже – большие стационарные сетные ящики. Ямы оборудовали главным образом на о. Медном, сетные ящики – на о. Беринга, но были здесь и ямы [ПМА: В.Т. Тимошенко, 19.04.2011]. Яму делали около 120-150 см глубины, с бревенчатым каркасом, дощатой или сетной обшивкой и деревянной крышкой. Над ней устанавливали автоматическую трубу с лесенкой. Выше, с противоположной стороны, располагалась еще одна – с подвешенной приманкой. В трубе над самоловом имелся люк, закрытый во время прикормки и автоматически открывающийся во время промысла. Недостатком такого отлова было то, что скопившиеся на небольшой площади звери сильно дрались, и кусались. Поэтому самоловы стали размещать на участках, где песцы встречались не слишком часто.

Старые промысловики помнят не только как они настораживали ловушки и вытаскивали песцов, но и как сами спасались в самоловах от непогоды [ПМА: Г.М. Яковлев, 13.05.2009, 10.03.2011; К.Т. Ладыгин, 23.03.2011, 25.11.12; М.М. Аксенов, 18.11.2008].

Ящики-ловушки являлись переносной разновидностью живоловок. Это сетный ящик с деревянным каркасом длиной около 140 см. Сверху ящик имел дверку, через которую подвешивалась приманка, а впоследствии извлекался пойманный песец. Падающая дверка соединялась с расположенной возле противоположной стенки приманкой посредством спускового механизма. Как только зашедший внутрь песец начинал тянуть приманку, выполнявшие роль насторожки гвоздь или палочка смещались, и дверца падала. Ящики ставили в тех местах, где невозможно оборудовать кормушку и самолов. Приспособления для отлова песцов стояли везде, где находились норы и тропы этих зверей – вдоль всей береговой линии обоих островов.

Принцип ведения промысла был прост, но трудоемок: осенью, перед началом забоя, песцов начинали активно подкармливать пахучим слегка прокисшим мясом или рыбой, одновременно приучая безбоязненно заходить в сетные дворики и проходить по автоматическим трубам. Подкормка носила не только пассивный, но и активный характер: специально приставленный к кормушке-ловушке промысловик обходил район ухожа, волоча за собой по земле потаску – связку юколы или кусок подсоленного подпрокисшего котикового мяса. При этом он громко свистел в свисток или бил в самодельную рынду. Заслышав знакомый звук, на-

половину ручные песцы с радостным визгом бежали за потаской. Свисток делали из обычного куска жести (АКМ ГИ 1574).

В декабре проводили пробный отлов: если зверь перелинял полностью, открывали сезон промысла, обычно это было начало января. Все пойманные песцы проходили бонитировку: наиболее мощных и красивых оставляли на племя. Им прокалывали ухо клипсом с меткой и под прямым углом остригали шерсть на кончике хвоста, таких куцых песцов называли тукулками. Сеголетков и годовичков тоже отпускали.

Особенности обработки песцовых шкур. Шкуру с убитого зверя снимали «чулком». Для вынимания хвостовых позвонков делали надрез на нижней стороне хвоста. В начале XX в. мездрение проводили на руках, некоторые для удобства привязывали шкурку к дощечке. Позже стали использовать наклонный станок, а вместо ножа – заточенную столовую ложку или мездрильный нож, сделанный из лезвия косы-литовки с приделанными по краям ручками. Чистку начинали с хвоста. Чтобы жир не пачкал меха, подкладывали чирилях' (цирелы) – пучки сухой мягкой травы. Если песцов было добыто больше, чем промысловик успевал обработать, то часть снятых неочищенных шкур выносили на холод, вывернув мехом наружу.

Шкурка песца очень нежная и требует аккуратного обращения. Вслед за чисткой следовала починка порезов и прострелов, если песец был добыт на ружье. Очищенную и залатанную шкуру натягивали на деревянные пялы (пялан) – расправилку, состоявшую из двух гладких симметричных досок (112-137 см длины, 4-6,5 см ширины и 9-18 мм толщины), соединенных под острым углом в виде перевернутой «V». При натягивании головная часть шкуры упиралась в закругленную вершину пял. Задние лапы расправляли на противоположных концах и прочно обвязывали шнуром. Хвост расправляли на нахвостнике – клиновидной пластине с закругленным краем, вставлявшейся между двумя плечами расправилки, она могла выдвигаться на необходимую длину. Передние лапы расправляли на лапках, или чам-тьягагишь (от алеутского chax' – рука и qya- – туго завязывать [21, p. 123, 340]) 22-31 см дл. и 4,8 см шир., а ушки – на маленьких тутушниках, или тутуших-тьяга (от алеутского тутусих' – ухо). Приведенные алеутские названия бытовали на о. Медном и сохранились благодаря записям начальника Командорского уезда Н.П. Сокольникова (1907-1916 гг.) [РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 602. Л. 114, 114 об.].
Натянутую мехом внутрь шкуру подвешивали горизонтально в жарко натопленном помещении. Выступавший жир вытирали травой чирилях'.

Шкуру прогревали до тех пор, пока не переставал выступать жир. Затем, не выворачивая, клали ее под нары, чтобы «отошла», после чего выворачивали мехом наружу и вешали для просушки [18, с. 67-68].

Никаких специальных сушилок не существовало – шкуры обрабатывали в обыкновенных промысловых юрташках по ухожам. Первые годы готовые шкуры на о. Медном хранили в квартире начкомпрома и даже в коридоре школы. Одной из особенностей командорской обработки шкур было то, что алеуты снимали мех без когтей [3, с. 457, 447].

Использование полученных биоматериалов. Алеуты редко использовали мех лисиц и песцов для пошива одежды, он чаще шел на отделку парок. Тем не менее, сохранился отчет, согласно которому промышлявший на о. Медном и Лисьих о-вах мореход С. Глотов в 1766 г. привез на Камчатку среди прочего «одеял песцовых 30, парок песцовых 2» [АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2. С. 82]. По всей видимости, шкурки были вывезены с Командор и обработаны лисьевскими мастерицами на Уналашке или Умнаке. Одеяла и парки были сшиты специально на продажу.

Интересен факт, отмеченный И.-Г. Георги. Во время зимних игрищ западные алеуты надевали перьевые шапки, сделанные из шкурок уток-«пеганок», шею птицы заменяли на упругую декорированную полоску кожи, а вместо птичьей головы закрепляли нижнюю песцовую челюсть [9, с. 366]. Если учесть, что до 1750 г. на о. Атту песцов не водилось, такое внимание к интродуцированному виду довольно неожиданно. Известен случай, когда шкура лисицы использовалась для обтяжки бубна [25, p. 114]. В 1970-х Билл Черепанов сделал два бубна для школы о. Акутан: один – с металлическим ободом и обтяжкой из шкуры лисицы, другой – деревянный с обтяжкой из оленьей шкуры. Мех был удален простейшим способом: на него положили смоченную теплой водой траву и свернули таким образом, чтобы мех с травой прели внутри. Ворс выпал через сутки. Билл, как и его отец, являлся носителем лисьевских культурных традиций. Он был известным алеутским танцором и мастером по изготовлению орудий. Но в данном случае, похоже, экспериментировал: со временем кожа на «оленьем» барабане начала стягиваться, и его «повело», в то время на «лисьем» она оставалась эластичной благодаря «естественному жиру». К сожалению, пояснений, почему он выбрал именно эти два материала для обтяжки, не сохранилось.

С XIX в. алеуты наряду с русскими стали использовать песцовый пух для изготовления пряжи. Его также применяли в качестве утеплителя:

в Алеутском музее хранится сшитый в начале 1990-х гг. М. Фомичевой зимний спальный мешок для 1-4-месячных младенцев (АКМ НВ 740).

Больше всего ценился и до сих пор ценится песцовый жир. Это – первое средство для лечения различных легочных заболеваний, в том числе его использовали при туберкулезе. Жиром смазывали кожу при ожогах, поверхностных ранах и различных формах дерматитов. Его втирали в кожу головы для лучшего роста волос и т.д. В пищу мясо песца употребляли редко. Обычно делали жаркое из ножек.

Суммируя. С конца XVIII в. алеуты стали основными добытчиками поставщиками пушнины. Для жителей Ближних о-вов промысел песцов порою был единственным источником денежных доходов. Несмотря на это, интенсивную охоту на псовых нельзя назвать для рассматриваемого региона традиционной в полном смысле этого слова. Анализ применявшихся на рассматриваемой территории самоловов приводит к заключению, что все они имели сибирское происхождение. Слова, обозначавшие орудия промысла, также были заимствованы из русского языка. Их появление и стремительное распространение по территории будущей РАК связано с продвижением русских на восток и сопутствующим формированием меновых, а затем товарно-денежных отношений. Активный товарообмен и новая структура социальных отношений вынудили местное население вести интенсивный промысел и использовать более эффективные заимствованные приемы.

Распространение сибирских самоловов происходило по следующим схемам: 1) первопроходцы выражали заинтересованность в приобретении шкур и демонстрировали известные им способы добычи зверя (середина XVIII в.); 2) компании на паях переселяли песцов и давали алеутам рекомендации по разведению и добыче, сулящей выгоды в дальнейшем (вторая половина XVIII в.); 3) русские промысловики заключали браки с местными женщинами, сами вели промысел, обучали ему своих детей и других членов общины (XVIII-XIX вв.); 4) РАК обязывала аборигенное население проводить промыслы утвержденными орудиями отлова (XIX в.). Под «русскими» в данном случае подразумеваются все пришлые охотники, среди которых были также коми (зыряне и пермяки), сибирские татары, «камчадалы» и т.д. «Алеутами» названо все аборигенное население Алеутских о-вов, а также их потомки от разнообразных смешанных браков (с русскими, алютик, тлинкитами и т.д.).

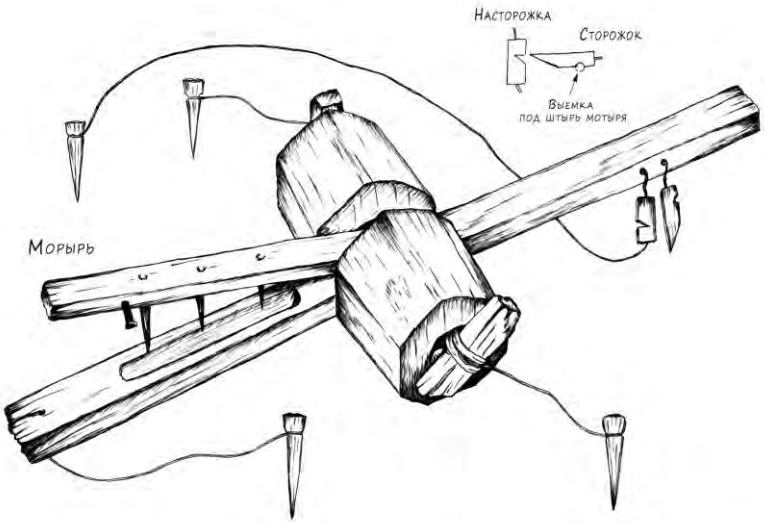
Дальнейшие перемены на островах связаны с внедрением нового типа хозяйствования, известного как «островное звероводство». Новый

подход предусматривал осуществление круглогодичного комплекса мер, направленных на максимальную рационализацию всех видов промысла.

Соответствие системы естественным биологическим ритмам и цикличности природных процессов, разумное использование ресурсов и возмещение потерь – все это стало причиной того, что алеуты восприняли островное звероводство как нечто исконное. Таким образом, возникает парадокс: «традиционной» правильнее назвать не саму охоту на песца, а комплексный подход к эксплуатации биоресурсов островной системы.

Приложения:

Рисунок 1. Командорские кляпцы



Кляпцы командорские. Реконструкция модели МАЭ 313-57.

Рисунок 2. Очеп

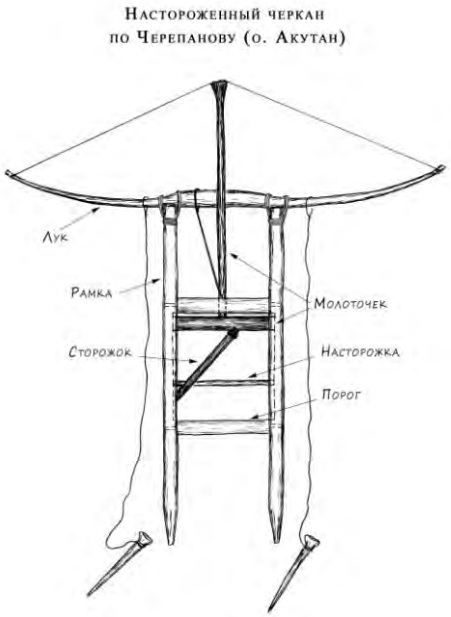
Рисунок 3. Пасть на песца

Рисунок 4. Песцовая кормушка-ловушка

План песцовой кормушки-ловушки (Барабаш-Никифоров, 1934).

Рисунок 5. Сетный дворик. Фото Г. Липилиной, 1987 г.

Рисунок 6. Черкан



Источники и литература:

1. Алеуты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С.А. Корсун. СПб.: Наука, 2014. 384 с.
2. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
3. Арсеньев В.К. Командорские острова в 1923 году // Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока. Владивосток: Госкнига, 1923. С. 420-464.
4. Барабаш-Никифоров И.И. В стране ветров и туманов. М., Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1934. 92 с.
5. Барабаш-Никифоров И.И. Каланы, котики, голубые песцы. М., Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1937. 96 с.
6. Булло Е.П., Кучнистов А.П., Тарасов В.П. Охотоведение. М.: Экономика, 1969. 279 с.

7. Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб.: Императорская Российская Академия, 1840. Ч. II. 409 с.
8. [Волошинов Н.А.] Отчет по командировке на Командорские острова Генерального штаба Подполковника Волошинова в 1884-1885 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Военная типогр., 1887. Вып. 16. С. 160-295.
9. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / с изд. 1799 г. с испр. и доп. СПб.: Русская симфония, 2005. 816 с.
10. Гребницкий Н.А. Записка о Командорских островах // Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: типогр. Н.Н. Синицына, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 43-125.
11. Ильина Е.Д. Островное звероводство. М.: Международная книга, 1950. 302 с.
12. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь: с двумя таблицами и картою золотоносной области Енисейского округа. СПб.: типогр. В. Безобразова и Ко, 1865. Т. 2 / Издание ИРГО. 188 с.
13. Суворов Е.К. Командорские острова и пушной промысел на них. СПб.: типогр. В.Ф. Киршбаума 1912. 324 с.
14. [Сулковский П.Г.] Записка П.Г. Сулковскаго о плавании на клипере «Стрелок» в Ледовитый океан и на Командорские острова // Сборник главнейших оффициальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск: типогр. Н.Н. Синицына, 1882. Т. 3. Вып. 2. С. 22-42.
15. Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ея до настоящаго времени. СПб.: типогр. Э. Веймара, 1863. Ч. 2. 389 с.
16. [Хлебников К.Т.] Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / под ред. Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой. Л.: Наука, 1979. 280 с.
17. Черенков С.Е., Матюнин М.М. Самоловы. М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Изд-во Астрель», 2003. 207 с.
18. Черский А.И. Командорский песец // Материалы по изучению рыболовства и пушного промысла на Дальнем Востоке, 1919. Токио: типогр. Японо-Русскаго Клуба, 1920. Вып. 1. С. 60-107.
19. Чиков В.И. Самоловные орудия охотничьего промысла // Спутник промыслового охотника. М.: изд-во технической и экономической лит-ры по вопросам заготовок, 1954. С. 359-423.

20. Bailey E.P. Introduction of foxes to Alaskan Islands – history, effects on avifauna, and eradication // U.S. Fish and Wildlife Service Resource Publication. Resource Publication 193. Washington, 1993. P. 1-55.
21. Bergsland K. Aleut Dictionary. Fairbanks, Alaska: Alaska Native Language Center & University of Alaska Fairbanks, 1994. 755 p.
22. Murie O.J. Fauna of the Aleutian Islands and Alaska Peninsula // North American Fauna. Washington: U.S. Government printing Office (U.S. Department of the Interior Fish and Wildlife Service), 1939. No 61. P. 1-364.
23. [Netsvetov I.]. The Journals of Iakov Netsvetov : the Atkha Years. 1828-1844 / With Introduction and Supplementary Material by L. Black. Kingston, Ontario, Canada: The Limestone Press, 1980. 342 p.
24. Unanam ungiikangin kayux tunusangin. Aleut Tales and Narratives, collected 1909-1910 by Waldemar Jochelson / Ed. by K. Bergsland, D. Moses. Fairbanks: Alaska Native Language Center, University of Alaska, 1990. 715 p.
25. Unugulux tunusangin. Oldtime stories / Ed. with intr. by R. Hudson. Unalaska: Unalaska City School District, 1992. 240 p.
26. АРГО (Архив Русского географического общества).
Полонский А. Перечень путешествий русских в Восточном океане с 1743 по 1800 год // АРГО. Р. 60. Оп. 1. Д. 2
27. АКМ (МБУ «Алеутский краеведческий музей»).
28. МАЭ РАН (Музей Антропологии и Этнографии им. Петра Великого Российской Академии наук).
29. РЭМ (Российский этнографический музей).
[Сокольников Н.П.] Переписка с Н.П. Сокольниковым о собирании этнографических материалов алеутов, чукчей и других народов Севера в Анадырском крае и на Командорских островах, 1904-1915 // РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 602.
30. ХКМ (Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова).
ПМА (Полевые материалы автора). Устные сообщения местных жителей: Веры Терентьевны Тимошенко (1927 г.р.), Геннадия Михайловича Яковлева (1935 г.р.); Моисея Моисеевича Аксенова (1940-2010), Кирилла Терентьевича Ладыгина (1939-2017), Сергея Егоровича Рогожникова (1947 г.р.), Марии Семеновны Кузнецовой (1948 г.р.), Петра Модестовича Яськина (1960 г.р.).

Научное издание

КОПМЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ОСТРОВНЫХ ОБЩЕСТВ ТИХОГО ОКЕАНА

(сборник статей)

Выпуск 2

Утверждено к печати ученым советом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.
Тексты приводятся в авторской редакции.
Электронная верстка, техническое обеспечение
Отдел информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 5,41
Тираж 100 экз.

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
690001, Владивосток, Пушкинская, 89
E-mail: ihae@eastnet.febras.ru